

• Глава 1 •

— Машина у подъезда, Дашенька, — помахала Катя телефоном, заглянув в детскую.

Сестра вызывала такси, пока я прощалась с новорожденной племянницей.

— Скажи, что уже спускаюсь, — прошептала я, боясь разбудить кроху.

Я нехотя оторвалась от кровати — малышка посапывала так сладко, что у меня слезы на глаза наворачивались от умиления. Сморгнула их и, поднявшись, пошла в прихожую обуваться. Покидать розовое царство маленькой принцессы было тяжело, но надо. Засуетилась, пряча от сестры мокрые глаза, подхватила с полочки сумку, уронила, подняла и все же взглянула на Катю, раскинула руки в приглашающем жесте. Сестра улыбнулась и шагнула в мои объятия.

— Ты не представляешь, как я счастлива!.. И немного боюсь, — призналась она тихонько куда-то мне в шею.

От молодой мамочки пахло молоком и детством. Я зажмурилась и вдохнула родной запах полной грудью.

— Все будет хорошо. Вы справитесь, родная, — погладила я Катю по спине, — Маше уже ничего не угрожает. И Макс у тебя молоток!

— Да-да. Я понимаю, но все равно очень переживаю за доченьку, — всхлипнула младшая и надрывно заревела мне в плечо. Гормоны у нее еще бушевали. — До сих пор не верю, что я, наконец, стала мамой, Даш. Ты же завтра приедешь к нам, да?

Сестра так отчаянно молила, что я на миг испугалась.

— Ну, конечно, приеду! Как я вас оставлю? — Поцеловала Катю в щеку и отстранилась. — Куда я от вас денусь? Но сейчас побегу, пока машина не уехала. До завтра, моя хорошая.

Мне не хотелось расставаться ни на миг, но все же я понимала, что у сестры своя семья и нельзя брать на себя обязанности Макса. Пусть сразу вовлекается в процесс. В конце концов, он Машеньку тоже очень хотел и вместе с нами от начала до конца прошел все тяготы, связанные с ее рождением.

С зачатием и беременностью у моей сестренки были огромные сложности. Мы чуть не потеряли малышку на двадцать первой неделе. Ох, как вспомнила, аж плохо стало, и опять по щекам потекли слезы. Что-то я совсем сегодня расчувствовалась. Сама себя не узнаю. Но чему удивляться? Мы пережили настоящий ад. И я еще долго держалась...

Лифт доехал до первого этажа, и я принялась шарить по карманам. Выудила платок и поспешила промокнуть им глаза.

Вышла из подъезда. Машина пыхтела у обочины. Я открыла дверь и села на заднее сиденье. Водитель тронулся, а адрес не уточнил, но это меня в тот момент не насторожило. Наверное, сестра указала конечный пункт маршрута, поэтому он и не спросил. Я настолько была поглощена переживаниями, что за-

была о разумной бдительности и автоматом находила мысленное оправдание всяким странностям.

Я откинулась на старомодную велюровую спинку и прикрыла глаза. Все же день сегодня выдался длинный и непростой. Сначала готовились к выписке, потом забирали девочек из роддома, потом был праздничный обед с родственниками, потом я нянчилась с Машенькой, давая сестре возможность отдохнуть...

— Пришло время расплатиться. — Мужской голос прервал хоровод мелькавших кадров минувших событий.

Я поморщилась. Ему бы с такими вокальными данными не в такси работать, а в театре вселенское зло играть.

— У меня оплата с карты спишется, — ответила, не открывая глаз.

— Нет, ты не поняла, Дарья. Пришло время оплаты. Ты просила сохранить жизнь нерожденному ребенку? — прозвучало как гром среди ясного неба.

У меня все внутри оборвалось. Усталость прошла, как и не бывало, и я резко села, распахнув глаза.

За окнами царила кромешная темень. Ни фонаря, ни звезды. В салоне тускло светили лампочки приборной панели, и я видела только силуэт водителя. Господи! Что происходит? Сказать, что я испытала первозданный ужас, — ничего не сказать. У меня волосы на голове зашевелились, руки и ноги стали ватными.

— Да-а-а, — выдохнула я не своим голосом.

Когда Катя попала в больницу с угрозой выкидыша и врач сказал, что у нее самой состояние крайне тяжелое, я так сильно перепугалась, что готова была абсолютно на все. Я действительно кому только чего не обещала!

— Я исполнил свою часть сделки. Пришло время тебе исполнить свою.

Боже, о чем он?

Я в те дни и в церкви часы проводила, и к бабке-знахарке съездила, и на какого-то идола свою золотую цепочку надела. К нему меня отправила как раз та бабулька. И что делать, тоже она сказала. Ох, я еще в момент, когда просила истукана и подносила свой дар, так сильно напугалась — померещилось, что идол моргнул и кивнул мне! Бежала я из того леса теряя тапки. Но только вышла на дорогу, мне позвонил Макс и сообщил, что Катя с ребенком в порядке. Конечно, я позабыла все на свете от радости! А сейчас как вспомнила, так и вздрогнула. Будто все случилось только что. По спине побежал холодок, заставив поежиться.

Лжетаксист повернулся ко мне и протянул что-то длинное и блестящее. Пригляделась — моя цепочка! Она тускло мерцала и покачивалась в грубой деревянной руке...

Я закричала от ужаса. Передо мной сидело ожившее деревянное чудовище и сверкало красными, как кровь, глазами!

— Свят, свят, свят!.. — запричитала я и принялась лихорадочно креститься.

— Мать-земля! Но почему они все это делают? — спросило чудовище у пространства, а потом опять посмотрело на меня и устало внесло дельное предложение: — Дарья, давай ты закончишь истерику и просто выслушаешь меня?

Почему-то эти простые слова, произнесенные замогильным голосом, меня немного успокоили. Хотя, возможно, идол применил ко мне магию — не знаю.

Но на его вопрос я кивнула и даже нашла в себе силы добавить:

— Хорошо. Готова вас выслушать.

Деревянный водитель повернулся ко мне целиком, забыв об управлении автомобилем.

— Так вот, заключив со мной сделку на новую жизнь, ты отдала мне свою и подтвердила это, вручив в залог личную вещь...

Залог? Залог — это двадцать граммов золота? Пф-ф, ерунда!

— Ой, да забирайте себе эту цепочку с концами! — обрадовалась я. — Мне не жалко. Я согласна лишиться этого залога.

Вообще-то, я с украшением еще в лесу попрощалась, да и не очень-то дорога моему сердцу была эта цепочка. Никакая не память, просто побрякушка из драгметалла.

— Ты не дослушала, но перебиваешь, — недовольно проворчал истукан, и я притихла, затаив дыхание, а он продолжил: — Личная золотая вещь навсегда сохраняет след твоей ауры и является нерушимой печатью. То есть, вручив мне печать, ты поклялась, что отдашь долг. Разве ты не знала?

А это что еще значит? Холодок неприятного предчувствия вернулся и опять пробежал по телу, поднимая тонкие волоски.

— А незнание освобождает от ответственности? — спросила я с надеждой и для пущей верности помотала головой, сообщая, что ничегошеньки не ведала.

Конечно, я ничего не знала! Бабуська мне и слова не сказала про какие-то там долги!

— Нет, не освобождает, — отрезал истукан деревянным голосом.

Он был очень убедителен, и я прикусила щеку, чтобы не впасть в панику.

— Вы меня теперь убьете? — прошептала я онемевшими губами.

Внутри все похолодело, и губы двигались плохо. Отдать жизнь в залог — это ведь смерть, если я все правильно понимаю. Неужели все? Конец?

— Зачем бы мне это делать? — удивился монстр. — Я требую отдачи долга исключительно для своей выгоды. Какой мне прок с тебя мертвой?

Я растерянно похлопала глазами. Мне-то откуда это знать?

— Может, вы душами питаетесь? — предположила я.

— Нет, я же не демон какой-то!.. — возмутился деревянный идол.

— А кто? — уточнила я.

От осознания нереальности разговора страх понемногу отступал, и я смогла задавать логичные вопросы.

— Удивительной глупости ты женщина, Дарья. Пошла с просьбой неведомо к кому, толком не узнав, чем тебе это грозит, — осудил меня древний истукан и даже покачал головой. Но тут я с нелюдем была согласна, поэтому даже не возмутилась. — Святодар-кудесник я. Могу одарить любым чудом, но за плату. Теперь ты будешь на меня работать, пока не выплатишь долг.

И всего-то? Мне прямо полегчало! Я не бедствовала — владела тремя салонами красоты, и слово «выплата» меня не пугало.

— Сколько? — спросила я деловито, прикидывая в уме, сколько имею свободных средств.

А, ерунда! Если что, кредит возьму. Или один из салонов продам. Нестрашно!

— Соберешь мне тридцать мер чистого восторга — сможешь вернуться к привычной жизни.

— Че-его? — опешила я. — Это еще что? И каким образом его собирают? И что значит «мер»?

Такой валюты я не знала. В голову заползло неприятное подозрение, что все окажется не так просто.

— Сложным, само собой, — обрадовал Святодар, подтверждая мою догадку. — Ты станешь хозяйкой моего поезда, который ходит сквозь миры, а чистый восторг будешь собирать с пассажиров в качестве оплаты за проезд. Улавливаешь суть?

Если опустить, что все сказанное деревянным истуканом звучит бредово, то смысл его слов не уловить было сложно. Уж мне ли, владелице бизнеса, ориентированного на восторг клиентов, не знать, как его добиваться? Придется очень сильно постараться.

— Да, но как же его собирать? Разве он материальный?

Хотя о чем я? Поезд ходит по мирам, я беседую с деревянным идолом... О чем нормальном и материальном можно спорить?

— А это ты узнаешь на инструктаже, — не стал вдаваться в подробности Святодар. — Старая хозяйка экспресса передаст тебе дела и все покажет. Будь через три дня ровно в десять утра в лесу. На том самом месте, где просила меня о чуде. И не вздумай опаздывать!..

— А-а-а... С сестрой мне навсегда прощаться? — дрогнувшим голосом спросила я, когда до меня дошел смысл указания.

— Ты сможешь ее навещать, но редко. — Отлегло от сердца. — Придумай объяснение своего исчезновения как-нибудь сама...

Дверь такси резко открылась, и я обнаружила, что оно стоит у моего подъезда. Я вышла. Время еще не очень позднее, горят фонари, гуляют люди. Я оглянулась на машину, но она растворилась в пространстве прямо на моих глазах! Что за чертовщина? Может, мне вообще все пригрезилось? Может, я задремала? Собралась обрадоваться, но... Разжала кулак, а в нем — та самая злополучная цепочка.

Похоже, я попала в какую-то нереальную передрягу.

• Глава 2 •

— Здравствуйте, Дарья! — поприветствовала меня консьержка Людмила Ивановна в холле дома. — Вам тут букетик просили передать.

Дежурная передала мне через стойку охапку чайных роз, связанных лентой, и я с огромным облегчением и радостью протянула к ним руку. Меня до сих пор потряхивало от пережитого стресса, а жест Людмилы Ивановны был таким привычным, земным, повседневным, что я не могла этому не обрадоваться. Да и вообще, происходящее сейчас в холле так контрастировало с тем, что случилось со мной в такси, что я опять подумала: может, мне все померещилось, а цепочку я просто подобрала на сиденье? Может, она вообще не моя?

В груди зарождалась надежда.

— Спасибо, Людмила Ивановна. Давно привезли?

Я взяла букет и поднесла к носу.

Мой новый поклонник Дмитрий часто присылал цветы. Эти розы пахли умопомрачительно. Хороший все же мужчина Дима, а я так и не допустила его к телу. Эх, если все обойдется и через три дня ничего не случится, приглашу его в гости. Решено!

— Да минут пятнадцать назад.

Я улыбнулась консьержке и поспешила к лифту. Поднялась на свой этаж и подошла к квартире. Едва вошла, уловила родной запах — вдыхала бы его и выдыхала! Обвела взглядом любовно обставленную прихожую... Я над каждой деталью интерьера долгими часами билась с дизайнерами: копалась во всевозможных каталогах, ночей не спала! Я любила свой дом, он дарил мне покой и умиротворение. Вот и сейчас оказалась в родных стенах, и мне вообще расхотелось думать о произошедшем.

Я швырнула цепочку на обувную тумбу с глаз подальше, прошла в гостиную и упала на диван. Мозг вошел в стадию отрицания и отказался обрабатывать негатив, но получалось у него не слишком хорошо. Так или иначе память возвращалась к деревянной руке, протянувшей мне цепочку.

Я боролась с этим видением минут пять, а потом тяжело вздохнула и решила принять пенную ванну. Может, в ней расслаблюсь окончательно и смогу решить, что только что со мной было: сон или явь? Разберусь и буду думать, как поступать дальше.

Открыла воду, высыпала соль, навела пены и, раздевшись, погрузилась в огромную чугунную посудину с головой. Я специально купила такую ванну, чтобы в ней можно было поместиться в полный рост: люблю плавать. Закрыла глаза и погрузилась в ощущения... Вода умела утешать: тихое шипение пены и звуки лопающихся пузырьков действительно умиротворяли.

— Дашенька, внучка, — вдруг раздался почти забытый бабушкин голос. Сколько лет я его уже не слышала?! Очень много. Боже, я так соскучилась! — Послушай меня внимательно, моя девочка...

Я открыла глаза и обнаружила сидящую на бортике мамину маму. Она выглядела такой, какой я видела ее в последний раз: добрые глаза, обволакивающие меня любовью, вязаный голубой берет на коротко стриженной голове, узловатые пальцы и кроткая улыбка. Такой я видела ее в день смерти. Только это почему-то меня ни капельки не испугало. Наоборот, обрадовало.

— Конечно, бабуля, я же всегда тебя слушаю, — с воодушевлением ответила я давно ушедшей родственнице, словно разговаривать с умершими для меня привычное дело.

— Умница, Дашенька, — от души похвалила меня бабушка, как делала всегда. — Давай я тебе голову вымою, пока суд да дело.

Я протянула бабуле шампунь и, развернувшись, села к ней спиной. Она провела расческой по моим волосам, и мне вдруг стало так легко на душе, что захотелось болтать не прекращая.

— Ты расскажешь мне про Святодара?

— И про него, и про кару, которая постигнет любого, кто нарушит данное кудеснику слово. Все расскажу, моя девочка...

Бабуля перебирала мокрые пряди моих волос, рассказывала о нерушимых клятвах, страшных последствиях их нарушений и точно творила в это время магию: я стала мыслить рационально и без сантиментов. Я вдруг поверила, что Святодар реален.

— То есть, я правильно понимаю, сделать вид, будто ничего не было, нельзя? — лишь уточнила я.

— Ни в коем случае, моя кровиночка!.. — Бабушка все перебирала и перебирала мои волосы, а я с каждым ее движением приобретала силу принять случив-